

Рин
СКАЙ

ИЗМЕНА

Испытание дуэтой

Рин Скай

Измена. Испытание диетой

«Автор»

2026

Скай Р.

Измена. Испытание диетой / Р. Скай — «Автор», 2026

В последнее время мой муж Никита сильно переживает за мое питание. Оказывается, не просто так. Пока я соблюдаю строгую диету, он изменяет мне с лучшей подругой. Именно такой сюрприз они устроили на мой сороковой день рождения. А я приведу себя в порядок, обязательно приду в форму, но не для него.

© Скай Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Измена. Испытание диетой

ГЛАВА 1

ЭРИКА

- Купальник твой не треснет? – интересуется мой муж Никита, будто я не купальник надеваю, а пытаюсь влезть в скафандр на размер меньше. - Швы не разойдутся?

Я замираю перед зеркалом, держа в руках завязку от лифа. Смотрю на свое отражение, потом на него через зеркало. Утро солнечное, за окном зелень, рядом сверкает огромный бассейн с белыми лежаками и зонтиками. Сегодня мой день рождения. Сорок лет. Красивая круглая дата, которую я, если честно, немного боялась, но все равно ждала.

- Не разойдутся, - отвечаю я и стараюсь говорить спокойно. - Никита, это что такое? Не надоело тебе?

Он усмехается, будто я сказала что-то очень смешное. На нем уже шорты и футболка, он успел собраться быстрее меня и теперь развлекает себя тем, что комментирует мой внешний вид. Очень мило. Особенно в мой день рождения.

- Ну что ты, моя булочка с кремом, не злись, - говорит он и проходит мимо меня, специально задевая плечом. Потом щиплет меня за бок. - Я же любя.

Я дергаюсь от его пальцев.

- Не щипай меня.

- Да ладно тебе, - он поднимает руки, изображая невинность. - Что сразу такая серьезная? Я же пошутил.

- Шутки должны быть смешными, Никита.

- А мне смешно, - говорит он и снова смотрит на мой купальник. - И вообще, надень лучше слитный. Серьезно. Боюсь, что эти шорты не выдержат.

Я опускаю взгляд на свои плавки с высокой талией. Нормальные плавки. Темно-синие, плотные, красивые. Я специально купила этот купальник неделю назад, долго выбирала, примеряла, крутилась перед зеркалом в магазине. Мне казалось, что он сидит хорошо. Не идеально, конечно, но вполне достойно. Я далеко не модель с обложки, я это понимаю. Но и прятаться под покрывалом только потому, что мне сорок и я не вешу пятьдесят килограммов, я тоже не собираюсь.

- Никита, перестань.

- Нет, ну серьезно, смотри, живот свисает, - он подходит ближе и показывает пальцем, как будто я сама не знаю, где у меня живот. - Надень слитный, не позорься.

У меня внутри поднимается негодование. Слова будто липкие, противные. Они остаются на коже, как грязь. Я тянусь за банкой крема от загара, которая стоит на тумбочке, и на секунду так ясно представляю, как бью его этой банкой по башке, что даже пальцы крепче сжимаются на крышке.

- Что ты молчишь? - спрашивает он. - Обиделась?

- А ты как думаешь?

- Я думаю, что ты слишком чувствительная стала, - Никита садится на край кровати и хмыкает. - Раньше нормально воспринимала.

- Раньше ты, может, меньше хамил.

- Ой, началось, - он закатывает глаза. - Уже и сказать ничего нельзя собственной жене.

- Сказать можно по-разному.

- Кремом от загара мажешься? - он кивает на банку в моей руке. - Лучше бы себе крем от растяжек приобрела.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

- Прекрати!

- Что Прекрати? - он пожимает плечами, будто не понимает, что такого сказал. - Я же по делу. И от целлюлита тоже можно. Сейчас полно всяких средств. Вон, у тебя на бедрах...

Он не договаривает, но и не надо. Его взгляд скользит по моим ногам, по бедрам, по животу, и мне хочется прикрыться полотенцем. Не потому что мне стыдно перед ним. А потому что неприятно, когда человек, с которым ты прожила двадцать лет, смотрит на тебя как на неудачную вещь, которую давно пора заменить или хотя бы отремонтировать.

- Спасибо за рекомендации, - говорю я сухо. - Очень вовремя. Особенно сегодня.

- Ну день рождения же не отменяет реальность, - отвечает он. - Я тебе просто говорю, как есть.

- А я тебе говорю, что мне неприятно это слышать.

- Эрика, ну что ты опять драму разводишь? - Никита встает и подходит к окну. - Мы приехали отдыхать. Я тебе, между прочим, сюрприз устроил. Два дня в этом загородном отеле. Бассейн, ресторан, природа. Все накопления истратил, чтобы тебе приятное сделать. Могла бы быть благодарнее.

Хм! Благодарнее. Он сделал подарок, значит, теперь можно говорить что угодно? Можно портить настроение с самого утра, а я должна улыбаться, потому что номер забронирован и завтрак оплачен?

Я смотрю на себя в зеркало. Волосы собраны в небрежный пучок, лицо еще без макияжа, на плечах следы от лямок сарафана, кожа бледная после долгой зимы и холодной весны. Мне сорок. Я родила дочь. Я работаю, веду дом, переживаю за Еву, которая сейчас дома и готовится к ЕГЭ. Я не идеальна, да. У меня есть живот, бедра, растяжки. Есть усталость под глазами. Есть двадцать лишних килограммов, которые появились не вчера и не за месяц, а за двадцать лет нашей с Никитой жизни.

- Я благодарна, - говорю я. - Правда. Мне приятно, что ты организовал поездку.

- Ну вот.

- Но это не значит, что мне приятно слушать, как ты меня унижаешь.

Он оборачивается.

- Унижаю? Да ты серьезно?

- Абсолютно.

- Эрика, ты сама себя накручиваешь. Я просто шучу.

- Тогда пошути про себя.

Он прищуривается.

- В смысле?

- В прямом. Про свой живот пошути. Про то, что футболка натягивается. Про то, что ты на третий этаж поднимаешься и пыхтишь так, будто Эверест покоряешь.

Никита сразу меняется в лице. Улыбка пропадает.

- Нормально, да?

- А что? Я же любя.

ГЛАВА 2

ЭРИКА

«Купальник твой не треснет?»

Ладно, я бы еще поняла, если бы действительно изменилась до неузнаваемости за пару месяцев. Если бы вдруг резко набрала так, что сама себя перестала узнавать. Хотя и тогда, наверное, хотелось бы не насмешек, а поддержки мужа. Не его слова, чтобы я не позорилась, не обидные реплики, что швы на одежде расходятся, а хотя бы: “Эрика, ты устала? Может, тебе помочь? Может, вместе сходим куда-нибудь, займемся чем-то?”

Но двадцать килограммов лишнего жира за двадцать лет - это не катастрофа, случившаяся за одну ночь. Это жизнь. Наша жизнь.

Мы с Никитой вместе двадцать лет. Двадцать лет завтраков, ужинов, бессонных ночей, больничных, ипотек, ремонтов, семейных праздников, ссор, примирений, поездок к родителям, школьных собраний, работы, усталости, вечного “надо”. Я родила ему дочь. Нашей Еве уже восемнадцать. Сейчас у нее ЕГЭ, поэтому она осталась дома и готовится к экзаменам. Она уже совсем взрослая, умная, красивая, но я все равно переживаю за нее, как она сдаст экзамены, как поступит в университет.

Я никогда не была худенькой. Никита прекрасно это знает. При росте сто шестьдесят я меньше шестидесяти килограммов, кажется, не весила никогда. Даже в молодости. У меня всегда были бедра, грудь, мягкий живот, круглое лицо. Я не была тростинкой, не была той самой ведьмой, которая ест пирожные и остается прозрачной. И он ведь полюбил меня такой. Не худой. Не идеальной. Настоящей.

И вот потихоньку, незаметно, килограмм за килограммом, я дошла до восьмидесяти.

Да, восемьдесят. Ну не сто же! И даже на сто пятьдесят! Восемьдесят, это много конечно, но не критично!

Я умею считать. У меня есть зеркало. У меня есть весы. Мне не нужно, чтобы Никита каждое утро открывал мне страшную тайну: “Эрика, ты поправилась”. Я знаю. Я вижу себя каждый день. Я покупаю одежду на размер больше. Я замечаю, как садятся джинсы. Я чувствую, как устают ноги после долгой прогулки. Я не живу в иллюзии, будто я такая же, как в двадцать.

Но почему-то Никита говорит об этом так, будто имеет право подтрунивать надо мной. Будто я специально растолстела. Будто я обязана была законсервироваться в том возрасте и весе, в котором он когда-то на мне женился.

А он сам? Он ведь тоже далеко не парень с обложки. У него живот. У него второй подбородок появляется, когда он смотрит в телефон. Он храпит так, что иногда мне приходится будить его, чтобы перевернулся на другой бок. Он пыхтит, когда поднимается по лестнице. У него футболки тоже давно не сидят так, как раньше. Волос стало меньше, раздражения больше, а привычка есть жареную картошку на ночь никуда не делась.

Но к себе у него почему-то вопросов не возникает.

Он может стоять перед зеркалом, втягивать живот и говорить: “Да нормально я выгляжу”. И все. На этом разговор закончен. Он не мучает себя. Не стыдится. Не прикрывается полотенцем. Не думает, имеет ли он право пойти к бассейну в шортах. Он просто идет. Потому что он мужчина. Потому что ему можно стареть, полнеть, лысеть, пердеть, храпеть, уставать, быть неидеальным - и все равно считать себя вполне привлекательным.

А я должна соответствовать. Должна быть свежей, легкой, подтянутой, ухоженной, веселой, благодарной. Желательно без живота, без растяжек, без усталости и без плохого настроения. Даже в сорок. Даже после двадцати лет брака.

Мне обидно не из-за самих килограммов. Честно. Я не настолько наивна. Я понимаю, что тело меняется. Иногда мне самой хочется похудеть, стать легче, выносливее, красивее в собственных глазах. Но одно дело - захотеть этого для себя. И совсем другое - слышать от мужа, что ты “позоришься”.

- Эрика, ну ты идешь?! – потирает меня Никита. – Нам Эвелина в ресторане столик заняла. Давай, милая, шевели булками!

ГЛАВА 3

ЭРИКА

Завидев нас, Эвелина машет нам рукой так энергично, будто мы не в ресторане при отеле, а на вокзале, где она боится нас потерять в толпе. Она и впрямь заняла нам столик с видом на бассейн - самый удачный, у окна, откуда видно воду, лежаки и зонтики.

Мы с Эвелиной дружим давно. Когда-то вместе работали в одной компании, потом она ушла, потом развелась, потом уехала в другой город, потом вернулась, но дружить мы не перестали.

Она тоже приехала в этот отель, как только узнала, что Никита подарил мне отдых здесь на день рождения.

- О, а вот и чета Долматовых! - Эвелина поднимается из-за столика и идет нам навстречу.

- Эрика, с днем рождения тебя, подруга!

- Спасибо, Эва, - говорю я и стараюсь улыбнуться так, чтобы не было видно, как у меня внутри все еще скребет после обидных слов Никиты.

Эвелина отстраняется, смотрит на меня внимательно.

- Это платье тебе идет.

Я машинально поправляю ткань на животе.

- Правда? - спрашиваю я тише, чем хотела.

- Конечно, правда. Я когда вру, у меня левый глаз дергается, ты знаешь.

Она подмигивает, а потом переводит взгляд на Никиту.

- Никита! Ну, красавец, смотри, не обижай Эрику! У нее сегодня праздник, ей можно все.

- Да кто ж ее обижает, - усмехается он. - Я наоборот, забочусь.

От этого "забочусь" у меня внутри снова неприятно сжимается. Потому что за последние часы его забота почему-то все время похожа на уколы булавкой.

Эвелина в коротких белых шортах и белоснежном топе. Простая одежда, ничего особенного, но на ней все выглядит так, будто она собиралась не три минуты перед зеркалом, а участвовала в фотосессии для журнала. Ей сорок, и весит она килограммов пятьдесят при росте метр семьдесят. Может, чуть больше, но рядом со мной она все равно кажется невесомой. Тонкие руки, длинные ноги, плоский живот, ключицы, которые красиво выступают под кожей.

Я всегда чувствую себя рядом с ней коротышкой.

Эвелина разведена. Детей она так и не смогла родить, хотя очень пыталась. Я помню эти ее бесконечные обследования, анализы, надежды, слезы в трубку, когда очередная попытка не получалась. Теперь она серьезно думает об усыновлении малыша из детдома.

- Ну, идемте набирать вкусняшек! - Эвелина хлопает в ладоши, будто мы не взрослые люди, а школьники на большой перемене. - Я тут прошлась по шведскому столу, там много всего. Эрика, тебе точно понравится. Там сырники, рыба, фрукты, какие-то безумные булочки с корицей. Я чуть не умерла от счастья.

- Булочки с корицей? - переспрашиваю я, и сама слышу, как в моем голосе появляется интерес.

Никита тут же косится на меня.

- Началось.

Я делаю вид, что не слышу.

Эвелина идет вперед. Легко, быстро, почти пружиняще. Белые шорты сидят на ней так, будто были сшиты специально под ее фигуру. Я так и вижу, как Никита скашивает глаза к этим миниатюрным шортикам. Он вроде бы смотрит в сторону шведского стола, вроде бы просто идет за Эвой но я-то знаю этот взгляд. Мужчины думают, что если они не поворачивают голову целиком, то их никто не замечает.

Злюсь. На него, на нее, на себя.

Хотя Эвелина ни в чем не виновата. Ну да, у нее ни целлюлита, ни лишних килограммов, ни складки над поясом. Ну да, она может надеть белые шорты, и они не будут предательски врезаться в бедра. Но все равно, женщине в сорок можно было бы одеться и попримечнее. Не обязательно же ходить так, чтобы у всех мужиков глаза выпадали.

И тут же мне становится стыдно за эту мысль. Потому что это не Эвелина виновата, что мой муж смотрит куда не надо. Это не ее шорты виноваты. Это Никита виноват. И, может быть, я тоже - потому что молчу, терплю и делаю вид, что мне не больно.

А еще я все же жалею, что не огрела Никиту банкой крема от загара. Он прямо напрашивается сегодня.

Мы подходим к линии шведского стола. Она тянется почти вдоль всей стены ресторана - длинная, блестящая, заставленная блюдами, тарелками, стеклянными вазами и серебристыми крышками, под которыми что-то аппетитно дымится. Над горячими блюдами дрожит пар. Пахнет кофе, свежей выпечкой, жареным беконом, омлетом, фруктами и чем-то сливочным.

Сначала идут напитки: кувшины с апельсиновым и яблочным соком, вода с лимоном и мятой, графины с ягодным морсом. Рядом кофемашина гудит и шипит, выплевывая в чашки капучино с высокой пенкой. Потом - хлебная станция: корзины с круассанами, булочками, тостами, ржаным хлебом, багетами. Масло лежит аккуратными маленькими кубиками, рядом джемы в крошечных баночках - клубничный, абрикосовый, вишневый.

Дальше - сырная тарелка. Треугольники бри, ломтики гауды, какой-то твердый сыр с орехами, мягкий творожный сыр с зеленью. Рядом ветчина, индейка, копченая рыба, тонко нарезанный лосось, оливки, каперсы, лимонные дольки. Потом салаты: огурцы, помидоры, руккола, листья айсберга, кукуруза, фасоль, тертая морковь, свекла, какие-то проростки, на которые я смотрю с недоверием.

Горячее выглядит особенно привлекательно. Маленькие сосиски, бекон, картофельные дольки с розмарином, омлет с сыром, яйца пашот, овощи гриль, блины, сырники, запеканка. В отдельной круглой емкости стоит овсяная каша, такая правильная и скучная, что на нее даже смотреть грустно.

- Вот, видишь, красота, - говорит Эвелина. - Я возьму кофе, салатик и, наверное, омлет. Хотя сырники тоже манят. Они на меня прямо смотрят.

Я беру тарелку. Она кажется слишком большой, будто специально созданной для того, чтобы потом кто-нибудь посмотрел и сказал: "А не многовато ли?" Я иду вдоль рядов с едой медленно, стараясь не хватать все подряд, хотя мне действительно хочется нормального завтрака. Не лист салата, не половинку грейпфрута, не воздух с ароматом кофе, а еду.

Подцепляю вилкой сырник - румяный, аккуратный, с золотистой корочкой. Он мягко пружинит, и я уже представляю, как положу рядом ложку сметаны и немного ягодного соуса. Потом добавляю к нему второй. Не огромный, обычный. Рядом кладу пару ломтиков лосося, немного огурцов, помидоров, кусочек сыра и маленький круассан. Маленький. Даже не полноценный круассан, а почти игрушечный.

Никита стоит сбоку и смотрит на мою тарелку так, будто я складываю туда не завтрак, а кирпичи для строительства второго подборodka.

- Ты серьезно? - спрашивает он.

Я не сразу отвечаю. Сначала делаю вид, что выбираю между сметаной и йогуртом.

- Что именно?

- Вот это все.

- Это завтрак, Никита.

- Это не завтрак бегемота!

Эвелина, стоящая у фруктов, оборачивается, но пока молчит. Я чувствую, как у меня начинают гореть щеки.

- Хватит, Никит, - тихо говорю я.
- Я просто удивлен. Ты же сама утром переживала из-за купальника.
- Я не переживала. Переживал ты.
- Потому что он действительно впрытк, Эрика.

Он говорит это негромко, но рядом ходят люди. Женщина с тарелкой фруктов проходит мимо и на секунду задерживает на нас взгляд. Мне хочется исчезнуть между емкостью с овсянкой и подносом с беконом.

- Никита, хватит, - говорю я уже жестче.

Он кивает на мою тарелку.

- Тогда положи обратно хотя бы сырники и круассан.
- Я смотрю на него, не веря, что он говорит это всерьез.
- Что?

- Что слышала. Сырники обратно. Круассан тоже. Возьми яйца, овощи. Вон салат есть. Нормальный здоровый завтрак.

- Я взяла огурцы и помидоры.
- Ага, чтобы они не скучали рядом с тестом и жиром.

Мне хочется ударить его тарелкой. Не сильно. Так, воспитательно. Чтобы понял, что публично унижать жену - плохая идея.

- Никита, сегодня мой день рождения
- Вот именно. Не надо начинать день рождения с обжорства.

Я даже вилку сильнее сжимаю. Сырник на моей тарелке вдруг перестает выглядеть вкусным. Он становится уликой. Доказательством моей слабости, моей неправильности, моей вины.

- Я просто хочу позавтракать, - говорю я.
- Ты всегда "просто хочешь". Просто кусочек, просто булочку, просто добавку. А потом удивляешься, почему вещи не сходятся.

- Я не удивляюсь.

Эвелина подходит ближе.

- Никит, может, не надо? У Эрики праздник.
- Эва, я без злости, - отвечает он и улыбается ей совсем иначе, чем мне. Мягче. Спокойнее.
- Я за нее переживаю. Ей самой потом будет неприятно.
- Мне уже неприятно, - говорю я.
- Потому что правду никто не любит.

Я смотрю на него и чувствую, как злость поднимается выше, к горлу. Еще немного - и я либо расплачусь, либо скажу что-то такое, после чего завтрак окончательно испортится для всех.

- Правда? - переспрашиваю я. - Правда в том, что я не могу съесть два сырника в свой день рождения, потому что ты решил назначить себя главным инспектором моей тарелки?
- Я тебе уже сказал. Положи это обратно, пока не поздно.
- Пока не поздно для чего?

Он криво усмехается и наклоняется чуть ближе, будто сообщает важную тайну:

- А то купальник точно треснет. Прямо у бассейна. Позорище будет на весь отель.

Даже шум ресторана на секунду будто становится тише. Я слышу, как где-то звякает чашка, как кофемашина выпускает пар. А еще слышу собственное дыхание - неровное, злое.

Я медленно опускаю вилку на край тарелки.

- Никита, а что мне есть? - спрашиваю я. - Воздух? Лед? Может, мне просто понюхать круассан и поблагодарить тебя за заботу?

Он кивает в сторону Эвелины, которая как раз кладет себе на тарелку несколько листьев салата, ломтик дыни и маленькую порцию омлета.

- Вон посмотри на Эву, она листиком салата питается!

ГЛАВА 4

ЭРИКА

За столиком я больше не слушаю этого кретина. Моего мужа. Человека, который каким-то чудом все еще жив и сидит напротив меня с таким видом, будто он не оскорблял меня пять минут назад у шведского стола, а спасал от неминуемой гибели.

Я ставлю тарелку перед собой, беру вилку и демонстративно отрезаю кусок сырника.

- Эрика, - тянет Никита, - ну не надо вот этого детского протеста.

Я медленно макаю сырник в сметану. Потом в ягодный соус. Потом отправляю в рот и смотрю ему прямо в глаза, жуя с наслаждением.

Хотя наслаждения уже, если честно, никакого нет. Сырник вкусный, нежный, сладковатый, но во рту у меня он превращается в комок картона. Я ем не потому, что хочу. Я ем назло. Ем за каждое его слово про купальник, за каждую ухмылку, за каждое это мерзкое "я забочусь".

- Ты сейчас сама себе хуже делаешь, - говорит Никита.

- Еще слово, и я тебя убью, - спокойно отвечаю я.

Эвелина поперхивается кофе и начинает смеяться.

- Так, отлично, утро становится интересным. Никит, я бы на твоём месте молчала. У Эрики сегодня день рождения, ей можно все.

Я съедаю второй сырник. Потом лосось. Потом огурцы, помидоры, сыр, этот крошечный круассан, который уже ненавижу просто за то, что он стал причиной скандала. Даже крошки подбираю пальцем с тарелки и отправляю в рот.

Никита смотрит на меня так, будто я на его глазах подписываю договор с дьяволом.

- Тебе потом будет тяжело.

- Мне уже тяжело. От твоего общества.

Эвелина снова смеется, но я вижу, что ей неловко. Она то и дело переводит разговор на что-то другое. Рассказывает, что бассейн тут большой, что лежаки занимают уже с утра, что там делают отличный холодный кофе.

Я допиваю кофе, отставляю чашку и поднимаюсь.

- Все. Идем к бассейну, пока я не передумала и не утопила кое-кого.

Мы выходим из ресторана на солнечную террасу. Жар сразу ложится на плечи, как теплая ладонь. Вода в бассейне блестит так ярко, что приходится щуриться. Люди уже лежат на шезлонгах, кто-то читает, кто-то фотографируется, дети визжат у мелкой зоны.

Я выбираю свободный лежак под зонтиком и осторожно опускаюсь на него.

- Эй, осторожно, лежак не сломай, - ухмыляется Никита.

Я замираю на секунду.

- Иди к черту, - говорю я, не поворачивая головы.

- Да ладно тебе, я пошутил.

- У тебя шутки как кишечная инфекция. Вроде не смертельно, но жить мешает.

Эвелина прыскает со смеху, но тут же пытается сделать серьезное лицо.

- Ребята, давайте без ругани. Мы же на отдыхе. Тут положено загорать, плавать и делать вид, что жизнь удалась.

Она располагается на шезлонге рядом с Никитой. Сначала кладет сумку, потом снимает очки, встряхивает волосами. Затем спокойно расстегивает белые шорты и стягивает их вниз.

Я вижу, как Никита свернул голову.

Он старается делать вид, что смотрит на бассейн, но смотрит далеко не туда.

Эва остается в белоснежном крохотном купальнике. Купальник простой, но на ней выглядит как реклама дорогого курорта. Тонкие завязки, плоский живот, длинные ноги, ровный

загар. Я вдруг остро чувствую свой собственный рыхлый живот, бедра, толстые руки, все складки, все то, что утром Никита уже успел превратить в проблему.

Я уже сама не рада, что Эва решила поехать с нами.

- Эва, ты, кажется, вообще не меняешься, - говорит Никита.

Она устраивается на лежаке и смеется.

- Меняюсь. Просто делаю это незаметно.

- Нет, серьезно. Фигура у тебя как в двадцать пять.

- Спасибо, конечно, но в двадцать пять у меня хотя бы спина не хрустела по утрам.

- Не верю. У тебя ничего не хрустит.

- Хрустит, Никит. Просто я это делаю элегантно.

Он смеется. Слишком громко. Слишком заинтересованно.

Я беру полотенце, раскладываю на лежаке и стараюсь не смотреть на них. Но не смотреть невозможно.

- Ты спортом занимаешься? - спрашивает Никита у Эвы.

- Пилатес. Иногда бассейн. Иногда просто бегаю от проблем.

- Видно. Очень видно.

Я поворачиваю голову.

- Никита, может, тебе бинокль принести? А то вдруг не все рассмотрел.

Он даже не смущается.

- Эрика, не душни.

Эвелина приподнимается на локте.

- Эрика, ну брось. Он просто комплимент сделал.

- Конечно, просто. У него сегодня день простых комплиментов чужим женщинам и сложных оскорблений собственной жене.

Никита щурится, откидывается на лежак, берет бутылку воды, делает глоток. Потом вдруг наклоняется к Эвелине.

- Тебе воды принести? Или кофе холодный?

- Спасибо, я сама потом схожу.

- Да мне не трудно.

- Никит, правда не надо.

Он улыбается.

- Ну смотри. Если что - говори.

Он сегодня ни разу не спросил, хочу ли я воды. Зато Эвелине готов принести хоть айслатте, хоть пальмовый лист, хоть луну с неба, если она попросит достаточно мило.

Мне становится противно.

Я резко встаю.

- Мне нужно охладиться.

- Смотри, чтобы вода из берегов не вышла! - кричит мне вслед Никита.

Я останавливаюсь. Медленно оборачиваюсь. Смотрю на него.

- Еще одна такая шутка, и из берегов выйдет твоя кровь.

Эвелина ахает, потом смеется, будто я сказала что-то невероятно смешное, но я уже не смеюсь. Я иду к бассейну, чувствуя, как плитка обжигает ступни.

У края воды я на секунду замираю. Мне страшно поймать на себе взгляды. Страшно, что кто-то посмотрит и подумает то же, что Никита говорит вслух. Что я тяжелая, неуклюжая, неправильная. Что мне нельзя в этот бассейн, нельзя в этот купальник, нельзя в это лето.

Потом я делаю шаг вниз.

Вода обнимает прохладой. Сначала щиколотки, потом колени, бедра, живот. Я погружаюсь почти по плечи и выдыхаю.

Господи, как хорошо.

В воде я и правда не ощущаю своего веса. Тело становится легче, мягче, послушнее. Я отталкиваюсь ногами и плыву медленно, неуклюже, но свободно. Вода скользит по коже, шум вокруг отдаляется. На несколько секунд я перестаю быть женщиной, которую утром обвиняли во всех смертных грехах чревоугодия. Перестаю быть женой Никиты. Перестаю быть поводом для чужих шуток.

Я просто плыву.

И это прекрасное чувство.

Может, Никита прав? Мысль приходит внезапно и тут же делает больно. Может, мне правда нужно питаться листом салата, чтобы чувствовать себя так легко не только в воде? Может, зря я так злюсь на него? Может, он просто не умеет говорить мягко, но по сути хочет как лучше?

Я ныряю и сразу вынырываю обратно.

Какой пример я показываю Еве? Моей дочери. Она ведь все видит. Видит, как я ем на нервах, как потом мучаюсь, как ругаю себя перед зеркалом, как покупаю вещи на размер меньше в надежде, что когда-нибудь влезу. Видит, как я то запрещаю себе сладкое, то ем ночью печенье на кухне. Может, у меня и правда неправильные пищевые привычки? Может, я злюсь не на Никиту, а на то, что он говорит то, о чем я сама думаю?

Я подплываю к бортику и смотрю на наши лежаки.

И вся моя внезапная самокритика мгновенно испаряется.

Никита уже вовсю мажет спину Эвелине кремом от загара.

Она сидит к нему спиной, убрав волосы на одно плечо. Он наклоняется к ней слишком близко. Ладони у него скользят по ее лопаткам, по плечам, ниже, к тонким завязкам купальника. Эва что-то говорит, он смеется. Потом аккуратно растирает крем круговыми движениями, будто всю жизнь мечтал стать персональным специалистом по нанесению солнцезащитных средств на спины стройных разведенных подруг своей жены.

Нет, это уже слишком!

Я вылетаю из бассейна так резко, что вода брызгает на плитку. Даже не вытираюсь. Иду к ним мокрая, злая, с волосами, прилипшими к лицу.

- Я вам не мешаю?

Никита даже руки не убирает сразу. Сначала лениво смотрит на меня снизу вверх.

- А ты всегда будешь стоять над душой? Человек попросил помочь, я помог. Или мне надо было сказать: извини, Эва, моя жена устроит истерику?

Я сжимаю губы.

- Ты серьезно сейчас?

- Абсолютно. Прекрати вести себя как сторожевая псина. Некрасиво выглядишь. Хотя тебе сегодня, видимо, все равно.

Ох, какие же это злые слова! Я чувствую, как по мокрой коже пробегает холод, хотя солнце жарит всю.

- Ты же не ревнуешь? - смеется Эва, поворачиваясь ко мне. - Никита мне только спину помазал, я сама не достаю.

- Конечно, - говорю я. - Спина. Очень труднодоступное место. Особенно когда рядом мой муж.

Эвелина перестает улыбаться.

- Эрика, ну правда, ничего такого.

- Разумеется.

Я молча беру свои солнцезащитные очки, надеваю их, хотя стекла сразу запотевают от влажного лица, и ложусь на лежак. Поворачиваюсь на спину. Руки вдоль тела. Дышу ровно. Очень ровно. Так ровно, будто если вдохну чуть глубже, то закричу.

Никита что-то тихо говорит Эвелине. Она отвечает еще тише. Я не разбираю слов, но мне и не надо. Мне хватает картинки, которая стоит перед глазами.

И тут мимо меня проходит мужчина.

Высокий, в белых плавках, лет сорока, может, чуть больше. Тело подтянутое, сильное, будто человек не просто иногда вспоминает про спортзал, а действительно с ним дружит. Широкие плечи, рельефные руки, плоский живот, пресс, мышцы. На коже ровный загар.

Я просто открываю от изумления рот. Неприлично, конечно, пялится на чужих мужчин, но после всего, что сегодня устроил Никита, моя совесть, кажется, ушла в отпуск раньше меня.

Мужчина проходит совсем рядом. Я сначала смотрю на его тело, а потом поднимаю взгляд к лицу.

И у меня чуть очки не падают. Да это же Выюгин! Родион Эдгарович Выюгин!

Владелец и генеральный директор логистической компании, где я работаю последние шесть лет.

ГЛАВА 5

ЭРИКА

Я застываю на лежаке. Даже дышать начинаю тише, будто он может услышать мои мысли. Родион Эдгарович проходит мимо и даже не смотрит в мою сторону. Наверное, он меня в глаза не знает. Я сижу в кабинете тремя этажами ниже его. У нас в компании еще шестьсот работников, и я для него, скорее всего, просто фамилия в какой-нибудь таблице, если вообще фамилия.

Я никогда с ним не разговаривала на работе. Только видела издали: в лифте, в холле, на новогоднем корпоративе, где он произносил речь. Всегда строгий, собранный, в дорогих пиджаках и идеально выглаженных рубашках.

И я даже не подозревала, что под этими пиджаками у него такое тело.

Совсем не подозревала.

Вьюгин тем временем подходит к краю бассейна.

Я почему-то сразу перестаю дышать нормально. Вроде бы человек просто собирается искупаться. Ничего особенного, а со мной творится что-то не то.

Он останавливается у бортика, чуть наклоняет голову, будто оценивает глубину. Солнце ложится на его широченные плечи, подчеркивает линию мощной шеи, сильные руки. Он не суетится, не проверяет воду ногой, как делают многие. Просто делает вдох, легко отталкивается и ныряет.

Без плеска почти. Красиво. Уверенно.

Я невольно приподнимаюсь на локте.

Он уходит под воду целиком, и на поверхности остаются только расходящиеся круги, сверкающие в солнечных бликах. Несколько секунд его не видно. Я смотрю туда, где он исчез, и почему-то жду, будто переживаю за него.

Потом он выныривает.

Резко, сильно, будто вода сама выталкивает его наверх. Фыркает, как молодой дельфин, смешно и совершенно не по-директорски. На секунду мне даже хочется улыбнуться, потому что этот звук никак не вяжется с тем строгим Вьюгиным, которого я видела в офисе: в темном костюме, с холодным взглядом, с короткими фразами, после которых начальники отделов начинали нервно листать свои отчеты.

А здесь он живой.

Мокрый. Освещенный солнцем. Настоящий.

Он проводит обеими руками по лицу, убирает мокрые волосы назад, открывая лоб. С его лица падают капли. Они стекают по волевому подбородку, по мощной шее, дальше - по заросшей груди, по животу, растворяясь где-то в воде.

Я должна отвернуться, да я понимаю, что должна.

Я взрослая замужняя женщина, мать, сотрудница его компании, в конце концов. Я не имею никакого морального права лежать у бассейна и рассматривать генерального директора вот так откровенно и без зазрения совести.

Но я не отворачиваюсь.

Вьюгин делает первый гребок. Потом второй. Его тело двигается в воде легко, без лишнего напряжения. Несколько сильными, точными движениями он пересекает бассейн, и я вдруг понимаю, что смотрю не просто на красивого мужчину. Я смотрю на человека, который везде ведет себя одинаково: уверенно. В кабинете, в холле, на корпоративной сцене и вот здесь, в воде под жарким солнцем.

Вода расходится у него перед плечами. Солнце вспыхивает на мокрой коже. Каждый раз, когда его рука выходит из воды, по ней скатываются блестящие капли. Он не торопится, но

продвигается так быстро, будто бассейн для него слишком маленький. Как будто ему нужен не курортный прямоугольник, а море.

Я ловлю себя на том, что напрочь забыла про Никиту.

Сейчас передо мной только бассейн, солнечные блики и Вьюгин, который движется в воде так, будто у него нет ни одного сомнения в собственном теле.

Он доплывает до противоположного бортика, касается его ладонью, разворачивается и почти сразу возвращается обратно. Несколько мощных гребков - и он уже снова рядом с тем краем, откуда нырял. Я зачем-то делаю вид, что поправляю очки, хотя на самом деле просто не знаю, куда деть руки.

Вьюгин хватается за бортик и легко выбирается из воды. Без этого неловкого подтягивания, без попытки закинуть колено, без смешного шлепка животом о край. Просто опирается на руки, поднимает тело и оказывается на плитке одним плавным движением. С него тут же стекает вода, оставляя темные следы у ног. Капли бегут по плечам, по спине, по прессу. Солнце цепляется за них, и он весь на секунду становится блестящим, будто выточенным из бронзы и воды.

Я глотаю воздух. Нет, ну это уже нечестно.

Нельзя быть генеральным директором, владельцем логистической компании, и при этом вот так вылезать из бассейна. Мир должен как-то распределять преимущества справедливее. Одним - деньги, другим - пресс, а не все сразу одному Родиону Эдгаровичу Вьюгину.

Он берет полотенце с лежака, но не вытирается сразу. Только проводит им по лицу и шее, потом небрежно бросает рядом. Идет к своему лежаку спокойно, босиком по горячей плитке, будто жара его не касается. Я смотрю на его походку и снова ругаю себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.